

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

Кому не приходилось глубоко возмущаться и негодовать при видѣ народныхъ давокъ въ церквахъ. Размѣры ихъ повременамъ прямо ужасны. Чтобы не быть голословнымъ возьму для примѣра одну Петербургскую приходскую народную церковь, въ этомъ отношеніи, безъ всякаго сомнѣнія, не единичную. Что бываетъ, напр., здѣсь за ранними субботними литургіями въ великомъ посту трудно и представить. Вотъ слабая картина того. Наступаетъ время причащенія, толпа съ каждой минутой становится все плотнѣй, какъ-то стихійно надвигаясь впередъ, задніе надавливаютъ на переднихъ, тѣснота доходитъ до того, что стоящимъ рѣшительно невозможно пошевелить рукою, въ переднихъ рядахъ нѣтъ силъ переносить, раздаются крики, стонъ, и все чаще и громче, шумъ стоитъ надъ толпой, вся она, какъ одна сплошная масса повременамъ какъ-бы волной переливается изъ стороны въ сторону, а здѣсь есть и дѣти, и женщины, и не мало беременныхъ. Изъ толпы вырываются на солею растерзанные, обливаясь потомъ. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія скорѣй уменьшено: бывало, что черезъ головы передаютъ на солею дѣтей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., за вечернею накануне крещенія, по освященіи воды, когда народъ бросается за водою, или при обнесеніи

плащаницы вокругъ храма въ страстную субботу, народная давка прямо неопишима. Въ меньшихъ размѣрахъ, но каждый разъ повторяется тоже при поманіи елеемъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, при подхожденіи къ евангелію, къ кресту... И такое безобразіе творится во время богослуженія и часто въ самыя торжественныя минуты, напр., предъ Святыми дарами во время причащенія. Каково при такихъ условіяхъ причащаться? А еще тяжелѣе причащать! Какъ благоговѣйному человѣку должно быть больно за храмъ Божій, за службу, такимъ безобразіемъ оскорбляемая. Нельзя при этомъ не пожалѣть и народъ. Какую муку надо перенести рабочему или торговому человѣку послѣ тяжелыхъ трудовъ, чтобы однажды въ годъ причаститься: 4—5 ч. простоять въ верхнемъ платьѣ при страшной давкѣ, въ невозможной духотѣ... а сколько при этомъ оберутъ еще карманные воры, которыхъ, въ виду легкости и безнаказанности воровства въ церквахъ, такъ много въ нашихъ храмахъ. Сейчасъ скажутъ: самъ народъ виновать, зачѣмъ всѣ въ одно время? Почему бы не причаститься хотя бы днемъ позже, въ воскресенье за ранней обѣдней? Конечно, чего бы проще? Народъ-то бы и радъ, но причастятъ-ли? Одинъ священникъ (по неопытности и молодости) причаститъ, а другой и послѣ говѣнья и исповѣди не за что не дастъ въ воскресенье святыхъ даровъ: „непорядокъ“. Нѣтъ, не винить народъ надо, а удивляться, какъ безропотно и терпѣливо переноситъ онъ всѣ неудобства и затрудненія.

Что же за причина такихъ давокъ? Обычно объясняютъ это, одни — недостаточностью церковей въ Петербургѣ, почему храмы столичные бываютъ переполнены, другіе-же тѣмъ, что народъ нашъ грубъ и дикъ, ничего знать не хочетъ, безобразничаетъ.

Съ первымъ объясненіемъ можно-бы было согласиться, если-бы давки бывали въ случаѣ переполненія

храмовъ народомъ, но на самомъ дѣлѣ бываютъ онѣ часто при сравнительно небольшомъ числѣ присутствующихъ: 400 — 500 человекъ въ громадномъ храмѣ производятъ нерѣдко безобразную давку. Такъ что очевидно, причина тутъ не переполненіе храма, а что-то другое. Что-же касается второго объясненія, то съ нимъ согласиться никакъ нельзя. Какъ сейчасъ было упомянуто, народъ нашъ проявляетъ удивительное терпѣнье въ храмахъ, уходитъ изъ церкви онъ не торопится и стоитъ при возможности до самаго конца службы и по окончаніи-то иной разъ какъ-то неохотно уходитъ, храмъ онъ высоко почитаетъ и благоговѣнно къ нему относится, не только что другое, а не вымытому сходитъ въ храмъ онъ почитаетъ большимъ грѣхомъ, намѣренно или, вѣрнѣе, сознательно, безобразничать въ храмѣ онъ не станетъ. И несправедливо думать, будто народъ такъ глупъ, что не понимаетъ, какъ неприличны въ церкви и для него самого мучительны эти давки. Народъ, или во всякомъ случаѣ очень многіе, хорошо это понимаетъ, но сдѣлать то сами ничего не могутъ, а никто другой сдѣлать не побеспокоится. Не въ этомъ ли и кроется главная причина всего. Въ приходскомъ духовенствѣ обыкновенно считаютъ это, насколько приходилось слышать, маловажнымъ и неизмѣннымъ. „Такъ всегда было, говорятъ: съ нашимъ безобразнымъ народомъ ничего не подѣлаешь!..“ И потому ничего почти и не дѣлается... Все, что предпринимается въ настоящее время, ограничивается приглашеніемъ полицейскихъ нарядовъ въ церковь на особенно людныя службы. Но полиція, и приглашаемая-то въ очень рѣдкихъ случаяхъ что можетъ сдѣлать въ церкви съ народомъ? Сдерживать многотысячную толпу силою? Но, во-первыхъ, сколько же для этого потребуется полицейскихъ? Не нарядъ-же въ нѣсколько человекъ, какъ обыкновенно бываетъ. А во-вторыхъ, каково для народа такое сдерживаніе. Въдѣ

это значитъ, что цѣпь полицейскихъ будетъ съ силою нажимать на передніе ряды толпы, тогда какъ задняя часть ея еще съ гораздо большею силою стихійно напираетъ впередъ, получится, такимъ образомъ, какъ-бы прессъ, и бѣда тѣмъ, которые попадутъ въ эти тиски. Останавливать же народъ резоннымъ словомъ полиція само собою не можетъ, ибо какъ же полицейскіе чины будутъ возвышать голосъ въ храмѣ во время службы! Нельзя, конечно, отрицать совершенно нѣкоторой пользы полиціи въ поддержаніи порядка среди толпы въ храмѣ, особенно въ городскихъ соборахъ ¹⁾, гдѣ постоянно мѣняется составъ богомольцевъ, ея присутствіе нужно хотя-бы для принятія мѣръ при случаѣ противъ вышеупомянутыхъ воровъ въ церкви и какихъ другихъ случайныхъ исключительныхъ беспорядковъ. Но безъ всякаго сомнѣнія полиція ни въ какомъ случаѣ не можетъ приучить народъ къ порядку въ храмахъ, — это дѣло исключительно духовенства. Если же оно его не сдѣлаетъ, то безъ конца будетъ продолжаться въ храмахъ это безобразіе и мало по малу отталкивать народъ православный отъ своихъ храмовъ. „Все равно“, скажутъ, „что ни дѣлать, ничего не будетъ“. Обыкновенная отговорка людей равнодушныхъ, не желающихъ дѣлать, вѣроятно, и не пытавшихся. Вѣдь нельзя же считать того, если кто сердится да нервно выговариваетъ подходящимъ къ чашѣ, или ко кресту, къ евангелію, это совершенно напрасно и бесполезно: въ толпѣ отдѣльный человѣкъ не воленъ въ себѣ. Недостаточно, конечно, ограничиться когда нибудь и сказанною объ этомъ проповѣдью, хотя-бы даже и прекрасною, ибо вѣдь только всемогущему Божественному слову свойственна непремѣнная дѣйственность: „рече и быша“.

---

¹⁾ Вообще, все, что говорится въ настоящей статьѣ, относится къ приходскимъ храмамъ.

Человѣческое слово не можетъ быть такимъ. Въ этомъ отношеніи народъ, какъ дѣтей учить надо, настойчиво и упорно и опредѣленно, пока не научится. И именно слово, не гомилетически сухая, безжизненная неудобь понимаемая и пріемлемая проповѣдь, а слово резонное толковое, постоянное имѣетъ громадное и удивительное дѣйствіе. При согласныхъ усиліяхъ духовенства несомнѣнно можно установить прекрасные порядки въ приходскихъ храмахъ съ мало мѣняющимся въ большинствѣ составомъ богомольцевъ. Есть тому и примѣры. Знающіе люди говорятъ, что нашъ простой народъ (а онъ, несомнѣнно терпѣливъ и храмъ любить) въ единовѣрческихъ храмахъ пріученъ къ такимъ порядкамъ. Почему же у насъ нельзя? Возьму тотъ же храмъ, который я прежде всего имѣю въ виду. Прежде здѣсь народъ къ исповѣди шелъ не въ обычно принятомъ порядкѣ, гуськомъ, а безобразной толпой стоялъ у ширмъ, за которыми исповѣдывалъ священникъ, и бросался за ширмы, такъ что послѣднія валились на священника. И конечно были люди, которые такое безобразіе считали непоправимымъ, пока не взяли за это дѣло, и что же... теперь о немъ теряется самое воспоминаніе. Или другой примѣръ. До послѣднихъ лѣтъ не существовало никакого порядка при прикладываніи къ плащаницѣ въ великую пятницу и субботу. Нѣчто невыразимое творилось. Народъ лѣзъ по ступенямъ, цѣплялись другъ за друга, бросались, бились локтями, какъ какую твердыню брали. Страшно смотрѣть. И такъ безъ перерыва съ 4 час. дня пятницы до самой пасхальной утрени. При этомъ воры особенно пользовались такимъ случаемъ, всячески поддерживали безпорядокъ и положительно обирали бѣдный народъ. И такъ къ этому въ причтѣ всѣ привыкли, что на самую попытку установить порядокъ смотрѣли какъ на что-то суетливо-неразумное, съ насмѣшкой, а то и хуже, ска-

жуть: новость заводитъ, а это, по непреклонному убѣжденію нѣкоторыхъ, самое послѣднее, предосудительное и непростительное дѣло... Но оказалось все это такъ легко поправимо: въ теченіе 3-хъ—4-хъ лѣтъ пришлось постоять у плащаницы и порядокъ установился, и человѣку нечего теперь бояться, что у плащаницы его задавятъ или оберутъ. Не тоже-ли самое и съ народными давками? Какъ именно бороться съ ними? Выше было указано, что первое и чрезвычайно важное значеніе имѣеть здѣсь приученіе народа къ порядку посредствомъ церковной проповѣди. Не бесполезны могли-бы быть въ этомъ отношеніи разрѣшаемыя при церквахъ общества хоругвеносцевъ, нашлось бы несомнѣнно не мало чисто внѣшнихъ мѣръ... но подробное обсужденіе сего не составляетъ задачи настоящей статьи и могло бы быть предметомъ лишь пастырскаго собранія. Цѣль ея лишь показать, что народныя давки—явленіе въ церквахъ нетерпимое и что съ ними необходимо бороться духовенству.

Свящ. *Евг. Кондратьевъ.*

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

Исповѣдь въ приходскихъ церквахъ.

Едва-ли что другое въ приходскихъ храмахъ совершается въ такихъ тяжелыхъ и ненормальныхъ условіяхъ, какъ исповѣдь.

Обыкновенно народъ нашъ привыкъ говѣть въ великомъ посту, всего исповѣдныхъ дней въ теченіе котораго насчитывается не болѣе 8-ми. Можно представить себѣ, какое скопленіе исповѣдниковъ бываетъ въ эти дни въ приходскихъ храмахъ. Спросить у приходскаго священника, сколько человѣкъ исповѣдано имъ въ пятницу 1-ой или 7-ой недѣли поста, окажется—700, 800, 900 и болѣе. Трудно вѣрить: по минутѣ на человѣка, и если при этомъ не имѣть ни малѣйшаго отдыха, и то на исповѣдь 900 человѣкъ потребуется 15-ть часовъ. Но такая работа мало развѣ кому посильна, значить и минуты удѣлить не приходится на исповѣдника. Какая-же будетъ это исповѣдь?! Вѣдь на чтеніе только одной разрѣшительной молитвы требуется секундъ 20-ть, да пока еще исповѣдающійся назоветъ свое имя, иной сдѣлаетъ земной поклонъ, да не одинъ, потомъ надо приложиться къ кресту, много-ли секундъ останется на самую исповѣдь? Когда-же тутъ въ грѣхахъ покаяться, иной разъ облегчить наболѣвшую совѣсть отъ какого-либо особенно тяжкаго грѣха, а священнику, какъ врачу

духовному, вникнуть въ душевное состояніе кающагося, предложить какое нибудь врачевство духовное, предостеречь, дать совѣтъ?.. Безъ этого-же во что обращается исповѣдь?— Почти въ чтеніе одной разрѣшительной молитвы. Пусть, скажемъ, отъ того не умаляется дѣйственность таинства, что есть, конечно, первое и главнѣйшее. Но вѣдь имѣетъ свою важность и другая сторона исповѣди. Въ какіе моменты можетъ быть болѣе, такъ сказать, раскрыто и воспримчиво человѣческое сердце, какъ ни въ эти минуты искренняго предъ Богомъ въ присутствіи пастыря покаянія. Не самое-ли то благоприятное время для священника, пусть скромнаго, не блещущаго широтою образованья, даромъ слова, но сильнаго глубокою искреннею вѣрою, влгать святыя сѣмена въ отверстое сердце кающагося. И какъ-бы ни было громадно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, дѣйствіе церковной проповѣди, она никакъ не можетъ исключать особаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи значенія исповѣди. Благоразумно-ли пренебрегать этою ея стороною! И такъ нашъ простой народъ въ отношеніи религіозно-нравственнаго просвѣщенія нельзя сказать, чтобы былъ поставленъ въ благоприятныхъ условіяхъ. Школьные уроки Закона Божія, — это все-же главное основаніе знанія своей вѣры и своего закона, многимъ изъ народа не приходилось слышать, ибо до сихъ поръ далеко не всѣ попадаютъ въ школы и немало остается неграмотными. Врядъ-ли чему въ этомъ отношеніи можетъ научить такихъ и невѣжественная семья. Чтеніе Слова Божія и другихъ книгъ религіознаго содержанія, кромѣ неграмотныхъ, недоступно и многимъ изъ учившихся, но отвыкшимъ, или вѣрнѣе, не приученнымъ, не приобщеннымъ къ книгѣ. Остается церковь съ ея богослуженіемъ и проповѣдью. Но, чтобы понимать достаточно богослуженіе и назидаться имъ, надо много поучиться, а такихъ въ народѣ совсѣмъ мало. Проповѣдь-же церков-

ная и въ столицахъ-то едва-ли стоитъ на должной высотѣ и удовлетворяетъ своему назначенію, а что-же въ провинціи, въ глухихъ деревняхъ? Откуда-же народу знать свою вѣру христіанскую и свой законъ? Нечего удивляться, если нерѣдко многіе изъ мужиковъ и бабъ не умѣютъ перекреститься, не знаютъ рѣшительно ни одной молитвы. Удивительно еще, что въ сердцахъ такихъ простецовъ жива мысль о Богѣ, о правдѣ, о любви, стремленіе къ церкви православной... Но и это сокровище, при трудности жизни, при соблазнахъ, при широкой анти-церковной пропагандѣ, можетъ сгибнуть. И дѣйствительно все чаще и чаще раздаются жалобы на то, что народъ развратился: изолгался, изворовался, спился, что нѣтъ силъ съ нимъ справляться. Все это вѣрно, но и вполне естественно. Какъ-бы ни была тучна и прекрасна почва, не растеть на ней хлѣбъ безъ посява, развратится и золотое сердце народное, если забросить его пастырь. Потому-то и нельзя не сожалѣть, когда утрачивается одинъ изъ прекрасныхъ способовъ пастырскаго вліянія на народъ при исповѣди.

Кромѣ того, не можетъ-ли угрожать опасность, что при такомъ совершеніи изъ года въ годъ таинства покаянія будетъ подрываться въ народѣ должное уваженіе къ самому таинству? А это и еще болѣе прискорбно.

Кто-же виновенъ въ томъ, что такую стала приходская исповѣдь?

Приходскіе священники? — Но что можетъ сдѣлать рядовой приходскій священникъ? — Исповѣдать чинно, благоговѣнно, не торопясь? Сколько-же при такой исповѣди отпустить онъ народа за день? Часовъ за 8-мь пусть 200—250 человекъ, а на долю его приходится 400 и болѣе, что-же дѣлать съ прочими? — Отказать имъ въ исповѣди?—Но они отговѣли, сколько часовъ,—бываетъ 4—5 и болѣе,—простояли въ ожиданіи исповѣди въ линіи, многіе изъ нихъ, быть можетъ, сколько лѣтъ

не причащались, и итти имъ некуда: сосѣднія церкви также въ эти дни переполнены, откладывать до слѣдующаго исповѣднаго дня напрасно, потому что и тогда будетъ тоже, да многіе изъ нихъ и не могутъ по своей зависимости или по занятіямъ удѣлять на свое говѣнье еще другую недѣлю. Отказать въ исповѣди, значитъ въ настоящемъ случаѣ лишить говѣющихъ возможности причаститься.— „Что мнѣ за дѣло“, скажетъ одинъ священникъ, „я исповѣдаю, какъ могу и сколько могу, кое-какъ исповѣдывать я не буду“, а въ субботу тотъ-же скажетъ: „исповѣдь была вчера, сегодня нельзя: „непорядокъ“. Не жестоко-ли такое разсужденіе? Не правильнѣе-ли, когда священникъ такъ разрѣшаетъ затрудненіе: невозможно удѣлить на исповѣдника столько времени, сколько-бы хотѣлось, но тѣмъ не менѣе нельзя-же лишать людей возможности однажды въ годъ принять святыя дары; надо дѣлать въ тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ. Трудна, нравственно тяжела такая исповѣдь, нервно разстраиваетъ, но нѣтъ иного выхода, какъ исповѣдать до конца... И исповѣдаетъ священникъ, не жалѣя себя, быстро, 700, 800 и болѣе человѣкъ. Винить-ли его за это? Все, что онъ можетъ, думается, сдѣлать, это предъ исповѣдью подробно разъяснить народу о тяжести болѣе распространенныхъ грѣховъ, чтобы не было надобности говорить о нихъ при исповѣди многимъ въ отдѣльности. Но при многосоставныхъ причтахъ и это не часто удается.

Но если не виноваты священники, не виноваты и народъ. Онъ идетъ къ исповѣди въ назначенные дни. Пошелъ-бы несомнѣнно и въ другіе... но что-же ему дѣлать, когда оказывается (и по словамъ священниковъ): въ субботы исповѣдаться—непорядокъ, а тѣмъ болѣе въ другое время, хотя бы напр. и въ Филипповъ постъ...

Вотъ этотъ-то укоренившійся обычай назначать исповѣдь только въ опредѣленные дни великаго поста и

служить причиною настоящаго ненормальнаго положенія дѣла. Но онъ крѣпко держится. „Такъ всегда было“, говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ крайніе любители старины, „къ чему заводить новое“, а про себя вѣроятнo думаютъ: „хорошо прожили при старыхъ порядкахъ, немного-то дотянемъ“, и держится, какъ-бы по инерціи, прежній обычай...

Что-же желательно для лучшей постановки дѣла?

Во-первыхъ, назначить въ приходскихъ храмахъ не 10-ть въ годъ исповѣдныхъ дней, а вдвое, втрое больше, словомъ, сколько понадобится. Почему-бы, напр., не устроить исповѣдь въ субботы великаго поста такъ-же, какъ и въ пятницы и особенно въ теченіе Рождественскаго поста. Во-вторыхъ приучить къ этому народъ.

Скажутъ: народъ не пойдетъ къ исповѣди въ другіе дни, кромѣ пятницъ великаго поста. Вотъ, напр., бываетъ 2—3 исповѣдныхъ дня въ Успенскомъ посту, много-ли въ нихъ исповѣдниковъ?

Да, дѣйствительно, въ Успенскомъ посту совсѣмъ не многіе исповѣдаются, но, думается, тому есть особья причины: вообще время это для исповѣди неудобно. Петербургское духовенство, какъ и всѣ, пользуется лѣтнимъ отдыхомъ, приходскіе храмы ремонтируются, петербуржцы всѣ поразѣхавши по дачамъ, у рабочихъ горячая пора, а главное, народъ мало знаетъ объ исповѣди въ Успенскомъ посту, вотъ именно не приученъ къ этому. Если-бы духовенство дѣйствительно нашло желательнымъ увеличить число исповѣдныхъ дней и установить исповѣдь въ Рождественскомъ посту и было-бы на то архипастырское благословеніе, за народомъ дѣло-бы не стало, приучить его не трудно. Можно-бы, напр., просить сказать объ этомъ высокоавторитетное слово дорогого для народа о. Іоанна Кронштадтскаго, отпечатать его въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, которые расклеить при храмѣ, въ проходѣ, разослать

прихожанамъ... и несомнѣнно это дало бы немедленно прекрасные результаты. Дѣло первѣе всего въ духовенствѣ.

Думается небезполезно было-бы, если-бы этотъ немаловажный вопросъ послужилъ предметомъ обсужденія пастырскаго собранія.

Священникъ *Евг. Кондратьевъ.*

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

III.

Крестины въ приходскихъ церквяхъ.

Авторъ увѣренъ, и къ тому имѣетъ основаніе, что его замѣтки о приходскихъ порядкахъ (№ № 12, 13) вызовутъ со стороны нѣкоторыхъ неудовольствіе. Къ чему, скажутъ, писать объ этомъ. И безъ того не мало есть охотниковъ бросать грязью въ обиженное духовное сословіе. Еще не хватало, чтобы мы сами стали поносить и укорять себя. По словамъ автора выходитъ: безобразно народъ ведетъ себя въ храмахъ,—виновато духовенство: оно не приучило и не приучаетъ народъ къ порядку; невозможно спѣшно совершается исповѣдь,—опять вина духовенства: оно поддерживаетъ крайне неудобный обычай. Пусть даже, скажутъ, и есть какая вина со стороны духовенства, зачѣмъ-же кричать объ этомъ и выставлять на показъ свои недостатки? Чтобы еще больше глумились надъ священникомъ?!

Что-же отвѣчать на такія возраженія?

Скажемъ примѣрно. Вотъ существуетъ какой-нибудь неудобный обычай въ родѣ спѣшной до крайней небрежности приходской исповѣди, обычай, который не можетъ не влечь за собою тяжелыхъ послѣдствій. Одни въ духовствѣ привыкли къ нему, другіе же не могутъ привыкнуть, да и не хотѣли-бы. Пытаются они говорить о ненормальномъ положеніи дѣла своимъ собратьямъ, а тѣ, бы-

ваетъ, отмахиваются отъ докучливыхъ людей, какъ спящій отъ надоедливыхъ мухъ, сначала легонько, а потомъ и очень сердито. Обычай-же недобрый попрежнему существуетъ, какъ существовалъ многіе десятки лѣтъ, и будетъ существовать безъ конца: самъ собою не уничтожится.

Неужели-же не надо и пытаться бороться противъ вредныхъ обычаевъ? Пусть бѣдный человѣкъ,—скажемъ о той-же исповѣди,—при всемъ своемъ желаніи, годами не можетъ облегчить свою совѣсть отъ какого либо тяжкаго грѣха, пусть чрезъ то подрывается уваженіе къ самому таинству покаянія, пусть люди, враждебные церкви, имѣютъ въ этомъ случай поносить церковь православную и смущать православный людъ... лишь-бы не потревожить нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій, которымъ будетъ неприятно обсужденіе такихъ вопросовъ на страницахъ журнала... Неужели такъ? Есть думается кое-что поважнѣе нашего сонливаго спокойствія. Кажется, что едва-ли кто сталъ бы принципиально возражать противъ дозволенности противодѣйствія вреднымъ обычаямъ. А если такое противодѣйствіе допустимо, то какой-же лучшій (въ настоящемъ случаи единственный) способъ къ тому, какъ не выясненіе дѣла путемъ печатнаго слова. Несомнѣнно ничего такъ не боится злоупотребленіе и непорядокъ, какъ возможности быть обнаруженнымъ и выставленнымъ на показъ во всемъ своемъ безобразіи. Будь-ка все въ приходской жизни, до послѣднихъ уголковъ, такъ сказать, освѣщено безпристрастнымъ словомъ, какъ само собою разсѣялось-бы здѣсь все темное и беспорядочное. И нечего стѣсняться, а тѣмъ болѣе оскорбляться, что всѣмъ будетъ ясна дѣятельность духовенства, тѣмъ, кои Самимъ Господомъ поставлены на „свѣщницѣ“. Оскорбительны ложь и клевета на духовенство, обидно сужденіе людей, не знакомыхъ съ условіями жизни приходскаго священника; но что обиднаго и оскорбительнаго во взаимномъ пастырскомъ обсужденіи, без-

пристрастномъ и правдивомъ выясненіи различныхъ сторонъ приходской жизни. Къ добру можетъ привести только такое обсужденіе. Жаль, что духовенство пренебрегаетъ имъ, если только это пренебреженіе служить истинною причиною замалчиванія такихъ вопросовъ изъ приходской жизни въ нашемъ духовномъ журналѣ, а не то, что вообще нѣтъ почти вопросовъ, сильно затрагивающихъ приходское духовенство, и вяло течетъ его пастырская дѣятельность.

Итакъ, по мнѣнію автора, о такихъ вопросахъ приходской жизни не только допустимо, но необходимо говорить и писать.

Если же авторъ неправильно смотритъ или не совсѣмъ правдиво излагаетъ дѣло, то не должно-ли показать и доказать неправильность его взглядовъ и неправду... и тогда неразумное мнѣніе упадетъ само собою, а стыдъ будетъ чувствительнымъ и должнымъ наказаніемъ автору.

Высказавъ все вышеизложенное противъ приведенныхъ возраженій, имѣющихъ, по мнѣнію автора, принципиальное значеніе, приступимъ къ предмету настоящей статьи.

Въ 4 часа пополудни начинается въ приходскихъ храмахъ вечерня, послѣ которой бываетъ, и, кажется, вездѣ, крещеніе младенцевъ. Хотѣлось-бы остановить вниманіе читателей на совершеніи этого таинства.

Въ воскресные дни обычно крестить приносятъ очень много младенцевъ, въ нашей церкви человѣкъ до 20-ти и болѣе. Съ 4 час. начинается запись крестинъ, а затѣмъ около 6-ти час. самые крестины. Около 7-ми час. и въ 8-мъ часу они оканчиваются. Значитъ, многимъ младенцамъ приходится пробывать, принимая во вниманіе обратную дорогу, часа 4 и больше не кормленными, въ значительно для нихъ холодной температурѣ храма и при томъ послѣ погруженія ихъ въ теплую воду, часто въ мокрыхъ пеленкахъ... Думается, трудно при такихъ усло-

віяхъ уберечь отъ простуды младенца, и вѣроятно, очень, очень многіе при крестинахъ простужаются. Во вторыхъ, какъ утомительно для воспріемниковъ и всѣхъ, кто приходитъ съ крестинами, такъ долго пробыть съ младенцами въ церкви. Въ третьихъ, не эта-ли поспѣшность и суетливость при записи, неизбѣжныя при многіхъ крестинахъ, служатъ отчасти причиною весьма частыхъ ошибокъ въ метрическихъ книгахъ. Словомъ, многія и крайнія неудобства такого совершенія крещенія въ приходскихъ храмахъ очевидны.

Что-же, невозможно или непосильно трудно для приходскаго духовенства иначе поставить это дѣло?

Не знаю точно, какъ въ другіхъ приходскихъ причтахъ, но въ нашемъ по крайней мѣрѣ 3—4 священника въ праздники можно сказать совершенно свободны. Никакого затрудненія не было-бы для духовенства, если-бы праздничные крестины совершались въ два приѣма: чередной священникъ крестилъ-бы младенцевъ послѣ вечерни, а подчередной послѣ поздней литургіи, а какое громадное облегченіе было-бы отъ того народу. Почему-же не такъ? „У насъ всегда“, скажутъ, „крестили послѣ вечерни, таковъ давній и испытанный обычай“. Ну, а послѣ этихъ словъ совсѣмъ напрасно пытаться говорить, что, вѣдь, обычай такой установился несомнѣнно очень давно, когда въ Петербургѣ народу-то всего было не болѣе 500 тысячъ, а теперь 1½ милліона, очевидно, жизнь, такъ сказать, выросла изъ этого обычая. Онъ сталъ стѣснительнымъ и узкимъ до того, что никакой обычай не можетъ быть старымъ, если когда-нибудь не будетъ новымъ и пр.; многіе отвернутся и не захотятъ слушать человѣка, говорящаго столь странныя слова,—одни по крайней любви ко всякой старинѣ, а другіе, бываетъ и изъ молодыхъ священниковъ, по практическому безошибочному соображенію, что выгоднѣе соглашаться съ сильными, чѣмъ съ

слабыми... И обычай существует и будетъ, вѣроятно, долго существовать въ Петербургѣ.

Хотѣлось обратить вниманіе въ самомъ совершеніи крещенія на слѣдующее:

Обыкновенно, согласно указанію требника, употребляется для отиранія мвра послѣ совершенія таинства мвропомазанія особая губочка. Сколько бы ни крестили младенцевъ—вытирають одною и тою-же губочкою каждому помазанна св. мвромъ части тѣла. А у иного младенца бываетъ сыпь, гнойные нарывчики, быть можетъ, какіе злокачественные. Какъ легко при этомъ заразить здоровыхъ младенцевъ какою-нибудь кожною болѣзнію. Самыя губочки эти существуютъ по долгу безъ перемѣны. Сколько, вѣроятно, нашлось-бы въ нихъ всякихъ микробовъ, если-бы подвергнуть ихъ анализу. Думается, что только по безотчетной привычкѣ допускаются священниками такія губочки. Почему-бы не замѣнять ихъ для cadaго младенца отдѣльными кусочками ваты, которые можно-бы тутъ-же на свѣчкѣ сжигать или значительно обжигать и опускать въ купель. Это чисто, совершенно безвредно и весьма удобно. А также нельзя-ли замѣнять по тѣмъ-же соображеніямъ и употребляемыя при крещеніи кисточки для помазанія младенцевъ елеемъ и святымъ мвромъ особыми палочками съ ватой, по примѣру употребляемыхъ для помазанія при таинствѣ елеосвященія. Едва-ли къ тому нашлись-бы какія либо существенныя препятствія?

Есть въ чинѣ крещенія еще одна подробность, смущающая, вѣроятно, многихъ священниковъ, о которой авторъ рѣшается упомянуть, имѣя лишь въ виду двойную цензуру всякой журнальной статьи — редактора журнала и собственно цензора.

По чину крещенія воспріемники трижды по вопросу крещающаго священника заявляютъ, что они отрекаются

отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его... откреклись отъ сатаны... и въ знакъ поруганія дьявола и всей его темной области дуютъ и плюютъ на него. Священники не могутъ не видѣть часто, какъ многіе воспріемники чувствуютъ крайнюю неловкость при приглашеніи священника: „дуни и плюни на него“, нерѣдко и со стороны присутствующихъ такое приглашеніе вызываетъ улыбки и усмѣшки. Неловкость воспріемниковъ совершенно понятна. Плевать—это, по современному общепринятому понятію, нѣчто грубое и неприличное.—Зачѣмъ же всякій разъ при крещеніи ставить людей въ такое неловкое положеніе? Нельзя-ли, щадя—пусть немощную—совѣсть нѣкоторыхъ, во избѣжаніе смущенія, выпускать эту подробность при совершеніи таинства крещенія и ограничиваться однимъ словеснымъ твердымъ заявленіемъ воспріемниковъ объ отреченіи отъ дьявола.

Думается, что не одного автора, а не мало и другихъ священниковъ, смущаютъ указанныя недоумѣнія и вѣроятно многимъ желательно было-бы выясненіе ихъ. Очень жаль, если хорошо свѣдущіе и опытные священники найдутъ для себя не совсѣмъ удобнымъ отвѣчать на всякія несерьезныя замѣтки и не помогутъ своимъ авторитетнымъ словомъ выясненію дѣла.

Священникъ *Евг. Кондратьевъ.*

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

IV.

Вѣнчаніе браковъ въ приходскихъ церквахъ.

Предметъ настоящей статьи особенно близокъ духовенству. Вѣнчаніе браковъ—это положительно наше наиболѣвшее мѣсто. Сколько сѣтованій, постоянныхъ, хотя и робкихъ, но горькихъ жалобъ раздается со стороны духовенства на чрезвычайныя трудности вѣнчанія. Положеніе приходскаго священника прямо безвыходно. Не вѣнчать браковъ,—или, по крайней мѣрѣ, по примѣру нѣкоторыхъ многоопытныхъ батюшекъ, всячески уклоняться отъ вѣнчанія ихъ,—совѣсть не позволяетъ: ужъ очень выходитъ фарисейски лицемѣрно: на словахъ блудъ и прелюбодѣяніе—тяжкій грѣхъ, а попросятъ повѣнчать, такъ нѣтъ, я, дескать, не вѣнчаю, ступайте къ другому, а тотъ опять посылаетъ къ другому, и такъ далѣе... Не напоминаетъ ли это евангельскаго слова: „а наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, и не радить о овцахъ“. Вѣнчать-же,—такъ никакъ не выпутаться изъ массы затрудненій. А что не такъ, бойся, потеряй покой, попадешь подъ судъ... а каково это для семейнаго человѣка! Въ брачномъ же дѣлѣ и безукоризненный и знающій священникъ всегда можетъ оказаться безъ вины виноватымъ.

Авторъ считаетъ нужнымъ прежде всего остановиться на выясненіи этой стороны дѣла, т. е. трудности вѣнчанія браковъ.

Первое затрудненіе — это мучительные оклики.

По закону требуются предъ совершеніемъ вѣнчанія три оглашенія о бракѣ—въ приходѣ жениха и въ приходѣ невѣсты. Дѣло, конечно, само по себѣ не трудное, если-бы духовенство не сдѣлало его прямо невозможнымъ.

Возьмемъ оглашеніе браковъ коренныхъ петербуржцевъ.

Бѣда, если кому-либо незадолго предъ вступленіемъ въ бракъ случилось переѣхать изъ района одного прихода въ районъ другого. Въ одномъ приходѣ скажутъ ему, что онъ недавно живетъ въ чертѣ прихода, а въ другомъ, что выѣхалъ изъ прихода, и потому бракъ его оглашенъ быть не можетъ. Выходить, что нельзя вѣнчаться потому только, что пришлось перемѣнить квартиру. Не странно-ли это?! Очевидно требованіе невозможное. И кого винить въ немъ?—Конечно, приходское духовенство, которое, дескать, не знаетъ, чего хочетъ. На самомъ дѣлѣ духовенство въ этомъ не такъ виновато. Ему не указано, сколько времени требуется человеку прожить въ районѣ прихода, чтобы имѣть право на оклики. Приходскимъ священникамъ приходится самимъ и по своему усмотрѣнію опредѣлять эти сроки и при томъ такъ, чтобы въ случаѣ какой неисправности при бракѣ не попасть въ отвѣтъ за производство окликовъ о бракѣ лица, проживаніе котораго покажется другимъ, опять таки по личнымъ усмотрѣніямъ, недостаточно продолжительнымъ.

Естественно, что, при такомъ условіи, рѣшеніе вопроса не можетъ быть правильнымъ, а рѣшеніе это практически имѣетъ большую важность.

Требуется, говорятъ одни, болѣе или менѣе продол-

жительное время прожить въ приходѣ, чтобы имѣть право на оглашеніе брака, *даже до года*.

Странное мнѣніе, о которомъ можно говорить лишь потому только, что оно въ силу какого-то явнаго и необъяснимаго недоразумѣнія существуетъ въ духовенствѣ. Несомнѣнно большинство петербургскихъ жителей, особенно изъ холостыхъ, не проживаютъ по цѣлому году въ одномъ домѣ, возьмите прислугъ, рабочихъ, чиновниковъ, кого угодно, и значить, всѣ они при такомъ срокѣ обречены на безбрачіе, ибо если бракъ не огласятъ, то нигдѣ не имѣютъ права его и повѣнчать. Но почему-же? Неужели таковъ законъ? — Нѣтъ, такъ по мнѣнію такого-то, или такихъ-то батюшекъ... „Живи, скажутъ, годъ, оглашеніе произведутъ и повѣнчаютъ... а спѣшить съ бракомъ нечего“. Но какъ-же жить: служба, дѣла не позволяютъ, да просто хозяину дома квартира понадобилась и онъ отказывается; наконецъ, платить нечѣмъ, да и бракъ, почему-бы то ни было, не можетъ быть отложенъ. „Ничего не знаю“, скажетъ батюшка, „до года проживанія оклики не могутъ быть произведены“.

Не курьезны-ли такія объясненія? А каково тѣмъ, къ кому они относятся!

Есть мнѣніе, что всякій, проживающій въ чертѣ прихода, независимо отъ продолжительности проживанія, имѣетъ право на оглашеніе брака. Это не только для всѣхъ удобно, но думается, и вполне законно, и, вотъ, почему: право на оглашеніе брака должно принадлежать прихожанину церкви очевидно съ того времени, какъ сталъ онъ прихожаниномъ; а такъ какъ никакого особаго, чисто юридическаго, акта вступленія въ приходъ въ Петербургѣ, да и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, не существуетъ, то ясно, что пріѣздъ на жительство лица въ районъ прихода, а ни что другое, и долженъ замѣнить этотъ актъ; съ этого времени вѣхавшій долженъ бы

считаться прихожаниномъ церкви и имѣть, значить, право на оглашеніе брака.

Какія-же, скажутъ, могутъ быть сдѣланы заявленія о препятствіяхъ къ браку по такимъ оглашеніямъ о лицахъ, только что прибывшихъ въ приходъ и здѣсь никому неизвѣстныхъ?

Будто-бы вѣское, но на самомъ дѣлѣ недостаточное возраженіе.

Вѣдь несомнѣнно не можетъ быть запрещенія перехода изъ одного прихода въ другой, здѣсь вѣдь нѣтъ крѣпостной зависимости, и очевидно, что вступающіе члены не могутъ быть извѣстными въ новомъ приходѣ, однако-же въ законѣ никакихъ ограниченій или запрещеній оглашеній о бракахъ такихъ лицъ не существуетъ; такъ какъ-же духовенство можетъ ставить это препятствіемъ для производства окликовъ. Законъ, и надо не забывать, что это гражданскій законъ, говоритъ объ оглашеніяхъ брака независимо отъ времени принадлежности прихожанина къ приходу. Священнику остается только исполнять законъ, а никакъ не вносить въ него свои, можетъ быть, и ошибочныя и для народа мучительныя толкованія въ такомъ родѣ, что, дескать, законъ будто-бы не достигаетъ своей цѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и потому надо ограничить распространеніе его на прихожанъ извѣстными сроками. Право особыхъ толкованій и примѣненій гражданскихъ законовъ духовенству не принадлежитъ. Каждый прихожанинъ на основаніи закона имѣетъ право требовать производства окликовъ о своемъ бракѣ.

Въ томъ-то и дѣло, возразятъ автору, что никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы считать своимъ прихожаниномъ только что вѣхавшаго въ приходъ.

Вотъ какимъ образомъ приходится, такъ сказать, упереться въ коренной вопросъ: кого должно считать прихожаниномъ столичной церкви; при рѣшеніи этого

вопроса само собою отпадетъ всякое опредѣленіе сроковъ.

Но почему-же только что въѣхавшаго въ приходъ нельзя считать прихожаниномъ? развѣ есть такой законъ?—Нѣтъ.—Или есть такое указаніе со стороны высшаго начальства?—то же нѣтъ.—Такъ почему-же?—Это само собой разумѣется. Что-же требуется отъ человѣка, чтобы считаться ему прихожаниномъ столичной церкви?—Пожить сколько нибудь въ районѣ прихода. Сколько-же именно:—недѣлю, мѣсяць, годъ?—На это никакихъ указаній нѣтъ, священники-же различно опредѣляютъ, кто недѣли, кто мѣсяцы, а кто и годъ. Но позвольте, какое-же дѣло человѣку до мнѣній произвольныхъ и, можетъ быть, нелѣпыхъ? Рѣшеніе существенно важнаго вопроса о принадлежности къ приходу уже потому, что съ нимъ связано право на совершеніе брака, не можетъ зависѣть вообще отъ произвола и тѣмъ болѣе лицъ иной разъ малоопытныхъ.

Между тѣмъ дѣйствительно въ настоящее время рѣшеніе этого вопроса предоставлено исключительно личному усмотрѣнію приходскаго духовенства. За то и случается нерѣдко нѣчто странное: оказываются лица, никакимъ причтомъ прихожанами не признаваемыя по причинамъ: то выѣзда изъ прихода, то недавняго прибытія въ приходъ.

Такъ кого-же должно считать прихожаниномъ въ Петербургѣ?

Въ настоящее время столичный приходъ понимается въ смыслѣ только опредѣленной территоріи. Въдѣ никакой приходскій священникъ не станетъ, когда приглашаютъ его для совершенія молебна или какой либо другой требы, предварительно спрашивать, съ какого времени проживаютъ просящіе въ его приходѣ; въ чертѣ прихода, значить прихожане. Не иначе можетъ быть рѣшаемъ и поставленный вопросъ, какъ съ этой точки

зрѣнія, т. е., что всѣ православные, проживающіе въ районѣ какого-либо прихода, должны быть считаемы прихожанами этой приходской церкви.

Крайне недостаточно, скажутъ, опредѣленіе прихода, какъ только мѣстной территоріи и прихожанъ, какъ проживающихъ въ чертѣ ея.

Пусть недостаточно, но что же дѣлать! иного опредѣленія сейчасъ нѣтъ, и значить, приходится основываться на немъ, какъ на исходномъ пунктѣ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ. Будетъ иначе организованъ столичный приходъ, тогда само собою явятся и иныя рѣшенія связанныхъ съ этимъ опредѣленіемъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго выводъ тотъ, что всякій, проживающій въ районѣ прихода имѣетъ право на оглашеніе брака. Всякое иное рѣшеніе вопроса повлечетъ многія затрудненія и неудобства. Но хуже всего полная невыясненность, неопредѣленность вопроса, личное произвольное усмотрѣніе приходскаго духовенства—вотъ это-то и дѣлаетъ мучительнымъ вопросъ объ окликахъ.

Еще труднѣе стоитъ дѣло съ оглашеніями браковъ не коренныхъ петербуржцевъ, а проживающихъ здѣсь крестьянъ и мѣщанъ.

Гдѣ должны быть оглашаемы ихъ браки: здѣсь-ли въ Петербургѣ, или по мѣсту родины и приписки къ крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ, что, конечно, зависитъ отъ того, какими прихожанами считать означенныхъ лицъ?

Охъ, какъ не легко священникамъ рѣшать этотъ вопросъ!—Требовать оглашенія по мѣсту родины—это другими словами значить подъ благовиднымъ предлогомъ отказаться вовсе отъ вѣнчанія крестьянскихъ и мѣщанскихъ браковъ, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ попытка добиться такихъ оглашеній напрас-

ная трата времени: изъ писемъ, просьбъ и требованій обыкновенно ничего не выходитъ. Пусть извинить провинціальное духовенство, но изъ многихъ случаевъ оказывалось, что нерѣдко провинціальныя священники рѣшительно не представляютъ себѣ, зачѣмъ оклики, какая нужда въ нихъ, дѣло по ихъ мнѣнію въ разрѣшеніи причта на повѣнчаніе ихъ прихожанина, т. е., какъ будто выходитъ, что отъ разрѣшенія того или иного причта зависитъ право человѣка на вступленіе въ бракъ, и разрѣшеніе это должно оплачиваться желающимъ вѣнчаться... Не вѣнчать-же крестьянъ и мѣщанъ, людей въ большинствѣ случаевъ бѣдныхъ и такъ судьбою обиженныхъ,—и потому лишь только, что или предъявляемое къ нимъ требованіе неосновательно, незаконно и не выполнимо, или провинціальное духовенство въ этомъ дѣлѣ мало свѣдуше — по совѣсти сказать, для священника бываетъ мучительно тяжело.

Оглашать-же крестьянскіе и мѣщанскіе браки по мѣсту проживанія въ Петербургѣ—опасно. Въ настоящее время, видимо, и Духовная Консисторія не имѣетъ опредѣленнаго взгляда на этотъ вопросъ, и значить для священника неизвѣстно, какъ посмотрятъ на такіе оклики въ случаѣ оказавшейся какой-либо неисправности при вѣнчаніи. А какъ поставятъ ихъ въ вину! тогда что? Вѣдь такъ можно жестоко поплатиться.

Вотъ именно въ томъ-то и особенная трудность съ окликами крестьянскихъ браковъ, что приходскому духовенству неизвѣстенъ взглядъ Духовной Консисторіи. Отгадывай его, какъ мудреную неразрѣшимую загадку, а не отгадаешь,—отвѣчай. То будто-бы Духовная Консисторія смотритъ на дѣло такъ, то будто-бы иначе. Лѣтъ 8-мъ тому назадъ по приходскому духовенству прошла тревога: Духовная Консисторія, передавали свѣдующіе люди, признала незаконными вѣнчанія крестьянскихъ браковъ по здѣшнимъ оглашеніямъ. Духовенство

встревожилось. Потомъ, время отъ времени проносились слухи: то одного батюшку за это обвинили, то другого оправдали. При ревизіи брачныхъ обысковъ однако этого, какъ неисправность, не отмѣчали, но оо. благочинные предупреждали, что, кажется, надо требовать оклики о крестьянахъ съ мѣста родины. Въ послѣднемъ Консistorскомъ указѣ, въ которомъ приводились всѣ случаи оказавшихся неисправностей при ревизіи обысковъ и давались подробныя указанія для руководства ими при вѣнчаніи браковъ, ничего опять не говорится объ окликахъ крестьянскихъ браковъ—на мѣстѣ родины. Оставалось одно — прямо спросить указанія на этотъ счетъ Духовной Консistorіи. Были такія попытки, но и на просьбу о разрѣшеніи затрудненія отвѣта не послѣдовало...

Такая неопредѣленность, еще разъ повторяемъ, хуже всего. Дѣло требуетъ рѣшенія, и неотложнаго, ибо неустроенность и неопредѣленность его, кромѣ духовенства, тяжело ложится на народъ, и давно уже такъ...

Какими-же должно считать прихожанами проживающихъ въ Петербургѣ крестьянъ и иногороднихъ мѣщанъ? Священникъ. *Евг. Кондратьевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Какъ завести порядокъ въ храмѣ?

Безпорядки въ храмѣ во время богослуженія, о которыхъ пишетъ авторъ статьи „Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ“, больно затронули меня при началѣ моего священническаго служенія еще въ селѣ. Когда я сѣтовалъ на это въ частныхъ бесѣдахъ съ прихожанами и съ собратіями по служенію, то получалъ отвѣтъ, что народъ грубъ и къ порядку не мо-

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

V.

Вѣнчаніе брамовъ въ приходскихъ церквахъ.

Какими прихожанами должно считать проживающихъ въ Петербургѣ крестьянъ и мѣщанъ, здѣшними-ли, по мѣсту ихъ проживанія, или по мѣсту родины и приписки къ крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ?

Есть сторонники и того и другого рѣшенія поставленнаго вопроса.

Въ пользу причисленія означенныхъ лицъ къ приходамъ по мѣсту родины и приписки приводятъ слѣдующія основанія:

1) Постоянное мѣстожителство крестьянъ и мѣщанъ должно быть считаемо не въ Петербургѣ, т. к. здѣсь только временное пребываніе ихъ; 2) на родинѣ крестьяне имѣютъ и земли и дома; 3) тамъ значатся они въ спискахъ прихожанъ мѣстныхъ церквей и, наконецъ, 4) со своею сельскою церковью и со своимъ сельскимъ приходомъ они состоятъ въ живой связи.

Но едва-ли основанія эти примѣнимы ко всѣмъ крестьянамъ и особенно мѣщанамъ. Возьмемъ десятки тысячъ крестьянскихъ дѣвушекъ — петербургскихъ прислугъ, ремесленницъ и др. Въ большинствѣ случаевъ, съ дѣтства и, бываетъ, всю жизнь, безвыѣдно, проживаютъ онѣ въ Петербургѣ, ни домовъ, ни земли на ро-

динѣ не имѣють и никакой связи съ сельскою церковью и приходомъ у нихъ нѣтъ. А мало-ли есть мѣщанъ и не бывавшихъ ни разу, можетъ быть, во всю жизнь въ городахъ, къ мѣщанскимъ обществамъ коихъ они приписаны. Таковы, напримѣръ, многочисленные питомцы воспитательнаго дома, въ такомъ же положеніи вдовы мѣщанъ, повѣнчанныя въ Петербургѣ и здѣсь безвыѣздно проживавшія съ мужьями. Какъ возможно ихъ, согласно приведеннымъ основаніямъ, считать прихожанами по мѣсту приписки?

За причисленіе крестьянъ и мѣщанъ къ здѣшнимъ приходамъ говорить слѣдующее:

1) Бываетъ, что крестьяне и особенно мѣщане, по-много лѣтъ безвыѣздно проживаютъ въ Петербургѣ; 2) столичное духовенство удовлетворяетъ всѣ ихъ религіозныя нужды; 3) они съ своей стороны взносами въ церковь и платами духовенству за требоисполненія участвуютъ въ образованіи церковныхъ капиталовъ и въ содержаніи духовенства; 4) значатся они въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ столичныхъ церквей, какъ исполнившіе долгъ говѣнія; 5) приходскія благотворительныя общества, согласно своихъ уставовъ, считаютъ ихъ прихожанами здѣшнихъ церквей.

Словомъ, фактически крестьяне и мѣщане несомнѣнно являются прихожанами столичныхъ церквей. И въ Петербургѣ есть приходы, почти сплошь состоящіе изъ такихъ прихожанъ, возьмемъ, напримѣръ, Спасосѣновскій приходъ, изъ 15½ тысячъ исповѣдниковъ, по клировымъ вѣдомостямъ, 12,200 значитъ однихъ крестьянъ, не считая мѣщанъ и запасныхъ военныхъ чиновъ.

Есть еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу причисленія крестьянъ и мѣщанъ къ столичнымъ приходамъ.

Такъ какъ никакого способа выписаться изъ одного прихода и вписаться въ другой въ настоящее время не

существуетъ; право же такого перехода никоимъ образомъ не можетъ быть отнято отъ крестьянъ и мѣшанъ, то естественнѣе всего замѣняющими такой формальный актъ и считать выдачу паспорта на продолжительную отлучку съ мѣста родины; получившій паспортъ и выѣхавшій, естественно долженъ быть считаемъ и вывешимъ изъ прихода.

Опять-таки авторъ считаетъ долгомъ оговориться. Пусть такое рѣшеніе вопроса будетъ недостаточнымъ, пусть хотя бы временнымъ, но какое либо рѣшеніе необходимо, и все же лучше такое, чѣмъ никакого.

Въ предыдущей и настоящей статьяхъ авторъ пытался показать, что предбрачныя оглашенія являются особо тяжелой формальностью при бракахъ въ Петербургѣ, въ виду исключительно запутанности вопроса и различныхъ произвольныхъ его толкованій; что самъ по себѣ законъ объ окликахъ никоимъ образомъ не можетъ быть ни для кого затруднительнымъ. Пусть бы оглашался бракъ каждаго лица, проживающаго въ границахъ прихода, и законъ былъ бы исполненъ. Большаго отъ духовенства не требуютъ.

Выходитъ, скажутъ, одна формальность.—А если бы и такъ, что же изъ того? А второе, эта формальность, думается, на самомъ дѣлѣ имѣетъ весьма существенное значеніе. Пусть окликовъ въ церкви не слушаютъ, пусть по нимъ не поступаетъ никакихъ заявленій о препятствіяхъ къ браку, кромѣ развѣ такихъ, разумѣемъ заявленія о сожительствахъ до брака и о прижитіи дѣтей, каковыя никоимъ образомъ не могутъ препятствовать совершенно вѣнчанія, но одно несомнѣнно: закономъ объ окликахъ полагается нѣкоторый срокъ, ранѣе котораго бракъ не можетъ быть заключенъ. Иначе прихожанинъ могъ бы требовать у священника совершенія брака въ самый день представленія документовъ, и священникъ не имѣлъ бы законныхъ основаній къ отказу.

Такіе же внезапные браки могутъ-ли быть допустимы? Наилучшій же способъ предупрежденія ихъ и составляютъ существующіе нынѣ оклики.

Вторая трудность при вѣнчаніи браковъ—это неудовлетворительное состояніе крестьянскихъ паспортовъ.

Положиться на сообщаемыя въ паспортахъ свѣдѣнія священникъ никакъ не можетъ, въ виду постоянныхъ—неопредѣленности, неточности и невѣрности этихъ свѣдѣній.

Вотъ нѣкоторые изъ пунктовъ крестьянскаго годового паспорта:

- 1) вѣроисповѣданіе;
- 2) время рожденія или возрастъ;
- 4) состоитъ-ли или состоялъ-ли въ бракѣ?

Въ 1-мъ пунктѣ православными обыкновенно отмѣчаютъ не только православныхъ, но въ большинствѣ случаевъ и раскольниковъ; такъ что, значить, довѣрять показанію 1-го пункта никакъ нельзя, иначе священникъ рискуетъ повѣнчать раскольника, что закономъ воспрещается.

Во 2-мъ пунктѣ чаще обозначаютъ лѣта владѣльца паспорта и при томъ всегда цифрою, а не прописью. Неудобство такого способа отмѣтки очевидно: цифрою очень легко можно поправить, потому-то вездѣ, гдѣ число имѣетъ существенное значеніе, оно пишется непременно прописью. Во-вторыхъ, лѣта въ паспортахъ, видимо, пишутся со словъ лица, получающаго паспортъ, и часто потому отмѣтка эта далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Такимъ образомъ, и къ показанію 2-го пункта паспорта священникъ не можетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, а между тѣмъ отмѣтка эта должна бы имѣть существенное значеніе, если не для установленія законности возраста лица для вступленія въ бракъ, для чего при всякомъ сомнѣніи необходимо метрическое свидѣтельство, то для установленія совершеннолѣтія лица, до

наступленія коего нельзя вѣнчать безъ согласія родителей и опекуновъ.

Особенно важное значеніе для священника имѣетъ 4-й пунктъ паспорта, ибо свѣдѣнія по другимъ пунктамъ, напримѣръ, о вѣроисповѣданіи лица, о лѣтахъ, о явкѣ къ отбыванію воинской повинности можно имѣть непосредственно изъ другихъ документовъ, свѣдѣнія же о брачномъ состояніи крестьянъ и мѣщанъ—только изъ паспорта. Кажется, тутъ-то бы требовалась наибольшая точность; встрѣчаемъ же какъ разъ обратное. На поставленный въ пунктѣ 4-мъ вопросъ: „состоить-ли или состоялъ-ли въ бракѣ“, о женатыхъ обыкновенно пишутъ: „состоить“, а о холостыхъ и вдовахъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ: „не состоить“, а то и просто: „нѣтъ“. Какъ отличить по такой отмѣткѣ холостого отъ вдоваго? Въ случаѣ вдовства отмѣтка не даетъ указанія, послѣ котораго брака вдовѣтъ лицо. Кромѣ того, отмѣтка о женатыхъ въ бракѣ „состоить“ допускаетъ легко поправку черезъ прибавленіе частицы „не“. Неудобство такой отмѣтки признается и духовнымъ начальствомъ. Указомъ С.-Петербургской Духовной Консистеріи, отъ 10-го августа 1901 г. за № 12820, предписывается священникамъ въ случаѣ отмѣтки въ паспортахъ, вмѣсто холостъ или вдовъ, въ бракѣ „не состоить“, требовать другіе документы о брачномъ состояніи лица. Добиться же замѣны обычной отмѣтки паспорта — „не состоить“, являющейся прямымъ отвѣтомъ на поставленный въ пунктѣ 4-мъ вопросъ, другою, именно: холостъ, или вдовъ послѣ такого-то брака, для простого народа невозможно трудно, нелегко и для всякаго священника въ отдѣльности.

По мнѣнію автора, въ настоящемъ случаѣ духовенству слѣдовало бы просить чрезъ свое начальство Министерство Внутреннихъ дѣлъ о предписаніи всѣмъ волостнымъ правленіямъ въ пунктѣ 4-мъ отмѣчать, со-

гласно 22 ст. X т. 1 ч. св. зак., „кто женатъ или холостъ, и если вдовъ, то послѣ котораго брака“, и никоимъ образомъ не допускать отмѣтки — въ бракѣ „не состоятъ“.

Что касается отмѣтокъ по 1-му и 2-му пункту паспортовъ, то онѣ въ томъ лишь случаѣ имѣли бы существенное значеніе, если бы дѣлались съ метрическихъ свидѣтельствъ, а никакъ не со словъ, и притомъ чтобы годъ рожденія писался непременно прописью. Думается, что особенной трудности это не составило бы уже потому, что сдѣлать правильную отмѣтку пришлось бы только однажды при выдачѣ перваго паспорта, а затѣмъ отмѣтка эта переписывалась бы въ слѣдующіе паспорта безъ измѣненія.

Есть еще одно постоянное затрудненіе при бракахъ, именно: на основаніи 100 и 163 ст. устава о воинской повинности, Духовная Консисторія предписываетъ духовенству требовать при вѣнчаніи отъ всѣхъ, коимъ перешелъ призывной возрастъ, свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности. Приходскіе священники, вѣнчающіе браки, хорошо знаютъ, что у крестьянъ въ большинствѣ свидѣтельствъ этихъ на рукахъ не бываетъ: то они не были имъ будто-бы выданы за неявкою ихъ лично по льготѣ къ вынутію жребія, то оставлены будто-бы въ деревнѣ. Если строго выполнять настоящее предписаніе Духовной Консисторіи, то большую половину крестьянскихъ браковъ не пришлось бы повѣнчать. Обиднѣе всего, что никто, видимо, въ духовенствѣ не знаетъ, къ чему нужны при бракѣ эти свидѣтельства о явкѣ къ исполненію воинской повинности, и священники ничего не могутъ отвѣчать на постоянные вопросы о томъ со стороны жениховъ. Считать предъявленіе свидѣтельства мѣрою противъ уклоненія отъ отбыванія воинской повинности препятствуетъ уже то, что никакой крестьянскій бракъ не можетъ

быть повѣнчанъ безъ паспорта, послѣдній же, очевидно, никакъ не можетъ быть выданъ уклонившемуся отъ исполненія воинской повинности, такъ что самый фактъ выдачи паспорта явно свидѣтельствуетъ о явкѣ предъявителя его своевременно къ вынутаю жребія. Въ-роятно, въ деревнѣ предъявленіе означеннаго свидѣтельства при бракѣ могло бы имѣть такое значеніе, ибо тамъ проживаютъ безъ паспортовъ, можетъ быть, тамъ только оно и нужно, но не въ Петербургѣ. Нѣтъ-ли въ этомъ какого-нибудь недоразумѣнія? Духовенству естественно думать такъ, пока ему не объяснятъ, какая цѣль предъявленія этого свидѣтельства.

Думается, что высказанныя авторомъ пожеланія принадлежать къ числу легко исполнимыхъ. А если такъ, еслибы выясненъ былъ вопросъ объ окликахъ, если бы крестьянскій паспортъ по поставленнымъ въ немъ пунктамъ давалъ точныя и документальныя свѣдѣнія, то вѣнчаніе крестьянскихъ браковъ не представляло бы никакихъ рѣшительно затрудненій. Не стало бы съ горечью говорить духовенство, какъ говоритъ оно теперь: почему не освободятъ его отъ производства брачнаго обыска, которое должно бы быть собственно дѣломъ гражданской власти, а наоборотъ, духовенство дорожило бы тѣмъ, что ему ввѣрено государствомъ и обществомъ это большое дѣло и охотно, спокойно и безукоризненно вело бы его.

Священникъ *Евг. Кондратьевъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о порядкахъ въ приходскихъ храмахъ.

VI.

До того трудно въ Петербургѣ бѣднымъ крестьянамъ повѣнчаться, что удивляться надо, какъ еще хватаетъ у народа терпѣнія и настойчивости добиваться вѣнчанія. Сколько возни съ окликами, съ паспортами... Правда, хотя и рѣдко, но приходилось встрѣчать петербургскихъ священниковъ, по мнѣнію которыхъ всѣ эти трудности преувеличены,—требованія, предъявляемыя брачущимся—и окликовъ съ мѣста родины, и ратническихъ свидѣтельствъ, и, пожалуй, родительскихъ согласій при условіи совершеннолѣтнихъ жениховъ и не-

вѣсть и пр., существенно необходимы и нетрудно выполнимы. Авторъ готовъ былъ-бы согласиться съ говорящими такъ, если-бы они самымъ дѣломъ подтвердили правильность словъ своихъ, т. е., могли-бы сказать: „все это мы требуемъ и вотъ сколько свадебъ вѣнчаемъ“. Но если оказывается, что такіе батюшки браковъ почти не вѣнчаютъ, а обращающихся за вѣнчаніемъ, по существующему порядку, направляютъ къ дьяконамъ или псаломщикамъ, завѣдующимъ книгами, у которыхъ на квартирѣ происходятъ всѣ эти печальные разговоры, и слезы... невѣдомы для священника, то, извините, эти слова о преувеличеніи трудностей вѣнчанія напрасныя и пустыя. Есть другого рода примѣры. Что сказать, если-бы оказались священники изъ членовъ Духовной Консистеріи, которые, обязанные по долгу приходскаго пастыря вѣнчать браки, на практикѣ сами, при совершенной безукоризненности, не выполняютъ требованій Духовной Консистеріи, напр., объ окликахъ съ мѣста родины?—одно, что требованіе это, очевидно, невыполнимо.

Авторъ далекъ отъ того, чтобы умалять значеніе формальности при заключеніи браковъ; священники, дескать, какъ пастыри духовные и при совершеніи таинствъ должны бы меньше всего быть отвлекаемы излишнею формальною стороною дѣла. Напротивъ, формальность при вѣнчаніи браковъ, особенно при столичныхъ условіяхъ жизни, существенно необходима и для священниковъ строго обязательна, но все здѣсь должно быть ясно, опредѣленно и возможно исполнимо.

Указанныя выше затрудненія отъ приходскаго духовенства независимы; но нѣтъ-ли затрудненій отъ него самого?

Въ нашемъ, напр., причтѣ, а кажется такъ и въ другихъ, нѣтъ священника, обязаннаго принимать лицъ, обращающихся за повѣнчаніемъ, — послѣдніе могутъ обращаться къ кому пожелаютъ, и кто хочетъ, можетъ ихъ

вѣнчать. „Нѣтъ“, скажутъ, „стѣсненій съ этой стороны ни для народа, ни для духовенства“. Чего лучше! Но на практикѣ-то бываетъ, что обязаннаго-то нѣтъ, а желающаго не оказывается. И мечется напрасно бѣдный человѣкъ отъ одного священника къ другому. Да и какъ рассчитывать на желающаго. Нести тяжелый трудъ по приему браковъ и по совершенію вѣнчанія и особенно рисковать страшною отвѣтственностью за браки—кому охота. Чрезвычайно рѣдки такіе любители. Больше стараются подъ всякими предлогами уклониться отъ вѣнчанія, а предлоговъ такихъ сколько хочешь. И въ Петербургѣ встрѣчаются изъ приходскихъ священниковъ такіе, все отношеніе которыхъ къ бракамъ ограничивается полученіемъ лишь дохода изъ кружки за вѣнчаніе свадебъ ихъ сослуживцами... Просто и удобно...

Думается, что въ каждомъ причтѣ непременно долженъ быть священникъ, обязанный принять брачущихся, рассмотреть документы и, если не принять ихъ для вѣнчанія, то объяснить обращающимся, почему. Пусть возложена будетъ эта обязанность на очередного, котораго, кстати сказать, въ виду его службъ и требоисправленій по церкви и приходу, наименѣе удобно обременять этимъ, на подчередного, или на какого другого, но непременно на кого-нибудь. Кто хочетъ принимать браки и вѣнчать, конечно, можетъ безъ всякой очереди, — кромѣ пользы отъ того ничего быть не можетъ. Автору сейчасъ возражать: я, дескать, держусь того правила, что вѣнчаться должно у своего духовника. Въ томъ-то и бѣда, что каждый держится своего, одинъ скажетъ невѣстѣ:— „ступай къ духовнику“, а тотъ посылаетъ къ очередному, очередной-же батюшка говоритъ, что ему, дескать, не до свадебъ, ступай къ подчередному, и такъ далѣе... ходи бѣдный изъ квартиры въ квартиру...

Во-вторыхъ, вообще, обязанность вѣнчать неудобно возлагать на духовника. Очень многіе не исповѣдаются

въ томъ приходѣ, въ которомъ состоятъ. Кто, положимъ, исповѣдался на родинѣ, масса говѣеть у о. Іоанна въ Кронштадтѣ, иные у священниковъ домовыхъ церквей, и книгъ метрическихъ не имѣющихъ. Значить, при указанномъ правилѣ, вѣнчать такихъ будетъ некому, и отсюда масса недоразумѣній, неприятностей... Съ другой стороны, при такомъ порядкѣ, приходскому священнику неудобно куда-нибудь отлучаться изъ Петербурга, напр., лѣтомъ на дачу, ибо нельзя же заставлять народъ ѣздить туда къ своему приходскому священнику за повѣнчаніемъ, а для духовенства это было бы большимъ и совершенно бесполезнымъ для дѣла стѣсненіемъ.

Едва-ли, впрочемъ, серьезно можно отстаивать въ Петербургѣ порядокъ, по которому желающіе вѣнчаться должны обращаться за этимъ къ своимъ духовникамъ. Настоящею причиною указанія на него является лишь желаніе нѣкоторыхъ прикрыть имъ свое отношеніе къ вѣнчанію браковъ. Держащіеся такого порядка и браковъ, вѣроятно, не вѣнчаютъ и на законномъ основаніи: все не ихъ духовныя дѣти вѣнчаются, а такихъ они не вѣнчаютъ.

Какъ-бы, скажутъ, не устраивать очередь на пріемъ и вѣнчаніе браковъ, если какой священникъ опасается вѣнчать, такъ на законнѣйшемъ основаніи онъ не приметъ ни одной свадьбы. Да, это такъ. Законныхъ, будто-бы, предлоговъ къ отказу есть множество. Но все-же, при существованіи очереди, отказывать и всѣмъ будетъ не такъ удобно.

Самымъ-же радикальнымъ средствомъ, въ настоящемъ случаѣ, къ тому, чтобы приходское духовенство, при трудности вообще вѣнчанія, съ своей стороны шло-бы навстрѣчу желающимъ вѣнчаться и оказывало-бы имъ всякую помощь и содѣйствіе подробнымъ указаніемъ, куда при надобности и какъ обратиться, что въ какомъ случаѣ сдѣлать, было-бы одно — предоставить вѣнчаю-

шимъ, священнику съ дьякономъ и псаломщикомъ, лично пользоваться доходомъ отъ вѣнчанія. И если теперь готовы уклониться отъ браковъ, то тогда, наоборотъ, священники рады будутъ свадьбамъ, и не только готовы будутъ указать, но не досадно будетъ и самому все возможное сдѣлать — написать и въ волость, и мѣстному священнику и кому другому. Тогда едва-ли будутъ, какъ то есть теперь, священники, уклоняющіеся отъ вѣнчанія браковъ, а если и будутъ такіе, то на нихъ не поропшутъ, ибо не вѣнчающіе не предъявятъ и права на доходъ отъ свадебъ, въ вѣнчаніи которыхъ не участвуютъ. И народу не пришлось-бы выбиваться изъ силъ, отыскивая священника для вѣнчанія.

Тогда, скажутъ, угрожаетъ другая опасность: не будутъ-ли очень опрометчиво вѣнчать, на рискъ: авось, дескать, пройдетъ?

Думается, опасеніе напрасное. Вѣдь въ домовыхъ церквахъ такъ и стоитъ дѣло, но чтобы небрежно и рискованно вѣнчали, кажется, не слышно. Старательнѣе вѣнчаютъ, чѣмъ въ приходсахъ, несомнѣнно, а это-то и надо. Кромѣ того, хорошимъ средствомъ противъ допущенія неосторожнаго рискованнаго вѣнчанія браковъ могъ-бы служить благочиннической надзоръ, только не номинальный, а фактический. Благочиннымъ хорошо извѣстно, гдѣ и какъ вѣнчаютъ, открыты для нихъ и брачные обыски; значить, у нихъ всегда есть возможность предостеречь и остановить неосторожнаго.

Неужели-же, скажутъ, отношеніе священника къ дѣлу зависитъ отъ того, въ братскую-ли кружку или лично поступаетъ доходъ?

По совѣсти, искренно сказать, очень много зависитъ. Вопросъ о пользованіи доходами, вообще, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ какое ему придаютъ, и совѣмъ не съ точки зрѣнія личныхъ удобствъ и выгодъ, а съ точки зрѣнія отношенія къ дѣлу, не для духовенства,

а главнѣе для народа. Если въ одномъ случаѣ, при существованіи личнаго вознагражденія совершающимъ требы, священники спѣшатъ на зовъ, ищутъ требъ, то въ другомъ, какъ-то ни обидно, часто, особенно въ многосоставныхъ причтахъ, не прочь уклониться отъ требъ, и такъ всегда будетъ, ибо формально установить фактъ уклоненія священника отъ требоисправленія рѣшительно невозможно. Что-же касается взаимныхъ неудовольствій между членами причта въ первомъ случаѣ, то и во-второмъ неудовольствій этихъ никакъ не меньше.

Не останавливаясь болѣе подробно на выясненіи этого немаловажнаго пункта и вниманія пастырскаго собранія заслуживающаго, авторъ на одномъ стоитъ, что гораздо больше оснований, въ виду настоящаго положенія брачнаго вопроса и отношенія къ нему духовенства, доходъ отъ совершенія браковъ считать личнымъ, какъ, напр., считаеый такимъ почти вездѣ доходъ отъ панихидъ и выносовъ.

Священникъ *Евгеній Кондратьевъ.*

Открытіе Серафимовской церковно-приходской школы.

14-го сентября состоялось открытіе Серафимовской церковно-приходской школы при Мурликіѣйской часовнѣ на Пескахъ. Школа помѣщается въ наемной квартирѣ, домъ № 2, по Херсонской улицѣ. Чинъ освященія совершалъ предсѣдатель С.-Петербургскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта епископъ Гдовскій Кириллъ въ сослуженіи оо. А. Маляревскаго и П. Нильскаго, назначеннаго завѣдывающимъ школою, учительницею же определена окончившая Свято-Владимірскую церковно-учительскую школу Е. Н. Рогожина. По окончаніи бого-